

Д. А. Кушнерева

АГРЕССОР И ЖЕРТВА В ЖЕНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ЛАУРЫ ЧИНЧИЛЬИ МИРАНДЫ)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей конструирования образа «жертвы» и «агрессора» в политических речах бывшего президента Республики Коста-Рика. Цель данного исследования заключается в анализе создаваемой «типологии жертв и агрессоров», в определении средств вербализации данных образов, а также в определении манипулятивных стратегий и тактик, которые при этом реализуются оратором. Материалом послужили речи, произнесенные Лаурой Чинчильей во время ее президентства с 2010 по 2014 гг., всего было проанализировано 12 речей. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью такого явления как дихотомии «жертва – агрессор» и ее конкретных проявлений с точки зрения интенций говорящего в рамках женского политического дискурса Латинской Америки. В ходе анализа удалось установить специфику процесса «виктимизации» для речей Чинчильи, а также выявить три образа жертв, создаваемые политиком (страна, женщины и сама президент), были выявлены контексты и способы, конструирующие данные образы в политическом дискурсе, а также представлена типология «образов агрессоров». В том числе была установлена цель формирования данных образов, а именно для реализации тактик: кооперации, размежевания, презентации, самопрезентации, отвода критики, обвинения и обличения.

Ключевые слова: политический дискурс, гендерный дискурс, речевые манипуляции, испанский язык, образ жертвы, образ агрессора, Лаура Чинчилья

Для цитирования: Кушнерева Д. А. Агрессор и Жертва в женском политическом дискурсе (на примере речей Лауры Чинчильи Миранды) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504

Лаура Чинчилья Миранда – политик Республики Коста-Рики, ставшая первой женщиной-президентом (2010–2014 гг.) в стране после победы на президентских выборах 2010 года. Современники оценивают ее президентство неоднозначно: с одной стороны, ей удалось справиться с последствиями экономического кризиса, предоставить женщинам больше прав и возможностей, а также успешно разрешить конфликтную ситуацию территориального спора с властями Никарагуа, но, с другой стороны, популярность Лауры Чинчильи к концу истечения срока ее полномочий пошла на убыль из-за внутренних проблем, в частности из-за неспособности реализовать налоговую реформу, а также из-за обвинений в коррупции некоторых представителей ее администрации [Sagot, 2017]. Как указывает Т. А. Воротникова, Лаура Чинчилья «оказалась гораздо менее успешным руководителем по сравнению со своим предшественником (...). Почти 60% костариканцев были разочарованы в работе правительства и лишь 9% поддерживали президента» [Воротникова, 2015, с. 198]. Таким образом, учитывая непростую ситуацию, в которой оказалась Лаура Чинчилья, обращение к образу «невинной жертвы» становится одной из ее ключевых стратегий.

Модель «жертва – агрессор» изучалась в рамках метафорического анализа (G. Lakoff, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов), в том числе конструирование образа жертвы и агрессора / врага анализировалось в работах Г. И. Козырева, Е. Б. Матыгиной, Е. М. Меркуловой, О. С. Полатовской и др. Как правило «в образе жертвы доминирует идея невинности и незащитности, реализуемая единицами различных уровней языка» [Меркулова, 2012, с. 140]. «В широком смысле под понятие “жертва” в

конflikте подпадают не только люди, лишившиеся жизни, но и подвергшиеся другим видам насилия (...). В таком смысле жертвой можно считать любого индивида, группу, социальный слой, в той или иной мере пострадавших от конфликтных действий сторон или иным образом имеющих отношение к конфликту» [Козырев, 2009, с. 12]. Таким образом, признание ущерба является условием, без которого фигура жертвы не существовала бы [López Aristizábal, 2018]. «Конструируемая «жертва», должна, прежде всего, отвечать стратегическим и тактическим целям и задачам той или иной противоборствующей (противостоящей) стороны в определенный период времени и в определенной ситуации. Кроме того, она должна приобрести социальную значимость как для непосредственных и косвенных участников конфликта, так и для окружающей социальной среды» [Козырев, 2009, с. 14]. «Формирование образа «жертвы» предполагает и формирование образа «врага», который либо непосредственно повинен в посягательстве на жертву, либо имеет к этому посягательству косвенное отношение, либо рассматривается как потенциальная угроза» [Козырев, 2010]. В большинстве случаев образ агрессора, наделенный различными негативными свойствами и качествами, в политическом дискурсе считается «проигрышным», поскольку попадает под дискредитирующую стратегию, чья главная цель «игра на понижение», т.е. умаление авторитета [Руженцева, 2004, с. 21], в том числе «представление Агрессора связано с семиотической оппозицией «свой – чужой», данная оппозиция позволяет определить, кто есть кто в политическом пространстве, интеграция сплачивает своих, а агрессия отделяет чужих» [Полатовская, 2019, с. 137]. Далее рассмотрим типологию образов жертвы и агрессора в речах Лауры Чинчилы.

1. Жертва – страна; агрессор – другие страны

Для речей Лауры Чинчилы в целом характерен процесс представления Коста-Рики как страны маленькой, не несущей прямой агрессии, поскольку в данной стране нет армии и соответствующего вооружения. В ее представлении это страна, страдающая от природных катаклизмов (в которых обычно повинны другие страны, загрязняющие окружающую среду), а также от наркотрафика (ответственность за данную проблему, по мнению оратора, вновь лежит на других странах-соседах). Впоследствии в данный список добавился и территориальный спор с властями Никарагуа. Приведем примеры:

Los efectos del cambio climático, seguirán pasándonos una costosa factura, pese al ejemplar comportamiento de Costa Rica en sus obligaciones ambientales. Последствия изменения климата будут по-прежнему обходиться нам в огромные счета, несмотря на образцовое поведение Коста-Рики в отношении ее экологических обязательств.

Desde esta tribuna, hago un llamado a los países que más contribuyen al consumo de drogas para que emprendan acciones más eficaces y para que colaboren con quienes padecemos un problema que no ha sido creado por nosotros. С этой трибуны я призываю страны, которые в наибольшей степени способствуют потреблению наркотиков, принять более эффективные меры и сотрудничать с теми из нас, кто страдает от проблемы, созданной не нами.

Para un país desarmado y pacífico como Costa Rica, son ellos los principales instrumentos de su seguridad; Для такой безоружной и миролюбивой страны, как Коста-Рика, они являются главными инструментами ее безопасности;

*A los acontecimientos económicos y naturales, se unió una **inmerecida agresión** a nuestra soberanía por parte de **autoridades nicaragüenses**, que **puso y sigue poniendo en juego** nuestra seguridad nacional. Помимо экономических и природных явлений, имела место **неоправданная агрессия** в отношении нашего суверенитета со стороны **никарагуанских властей**, которая поставила и продолжает ставить под угрозу нашу национальную безопасность.*

По мнению Крус и Паккиаротти, через подобный процесс «виктимизации» создается «трагический сценарий, оказывающий негативное влияние на страну президента, который, по-видимому, не несет ответственности, а является жертвой всех этих обстоятельств. Другими словами, слушатели молчаливо предполагают, что Коста-Рика не тратит ресурсы на оружие, не способствует значительному употреблению наркотиков, наркобизнесу или насилию и, будучи такой маленькой страной, не загрязняет окружающую среду, так, как это делают более крупные страны, но страдает от всех этих процессов, за которые она никоим образом не несет ответственности» [Cruz, Pacchiarotti, 2013, p. 140]. Таким образом, оратором реализуется несколько тактик: презентации (Коста-Рика, как страна безвинная); безличного обвинения (те страны, которые виноваты в существующих проблемах) и прямого обвинения (правительство Никарагуа).

2. Жертва – женщина; агрессор – не определен

Отметим, что в своих речах Лаура Чинчилья довольно часто обращается именно к образу женщин. Мария Флорес-Эстрада утверждает даже, что тот факт, что Чинчилья – женщина, сыграл важную роль при голосовании: «Согласно опросу, президент получила большинство голосов по следующим причинам: ее способности и личность (29,0%), ее предвыборные предложения и проводимая ею кампания (18,3%), а также то, что она женщина (15,7%). (CIEP-UCR, 2010). Иными словами, тот факт, что Лаура Чинчилья – женщина, имел определенный вес при голосовании». [Flórez-Estrada, 2010, p. 91]. Консолидация «мы – женщины» устанавливается в речах Лауры Чинчильи благодаря апеллированию к тем сложностям, с которыми приходится сталкиваться и бороться женщине в современном мире. Как указывает Т. А. Шабанова: «Представление женщины с помощью метафорической модели “Мы – ЖЕРТВА” является наиболее распространенным манипулятивным приемом интеграции феминистского движения со своими нынешними и будущими сторонниками» [Шабанова, 2012, с. 159]. Таким образом выстраивается еще одна дихотомия «свои – чужие», но на этот раз гендерная – под «своими» скрываются женщины, которые сталкиваются с трудностями, и президент одна из них. Модель «Мы – ЖЕРТВА», указанная Т. А. Шабановой, в речах Чинчильи целенаправленно создает образ женщины, не желающей оставаться в данной роли, не поддерживающей насилие и выступающей за объединение. Приведем примеры:

*Y nos indigna que, aun hoy, **haya mujeres a la espera de ser lapidadas**, pueblos ahogados por **la barbarie del genocidio**. И мы возмущены тем, что даже сегодня есть женщины, ожидающие, что их **побьют камнями**, это народы, удушаемые **варварством геноцида**.*

***Sin embargo, las mujeres aún sufren** de mayor desempleo, precariedad e informalidad laboral. En gran medida, ello se debe **a nuestras dificultades para combinar los roles productivo y reproductivo**. Para superar este obstáculo, estamos desarrollando*

una red de cuidado y estimulación temprana de niños y niñas; Тем не менее, женщины по-прежнему страдают от более высокого уровня безработицы, неполной занятости и неформальной занятости. В значительной степени это связано с нашими трудностями в совмещении продуктивной и репродуктивной ролей. Чтобы преодолеть это препятствие, мы развиваем сеть по уходу и воспитанию мальчиков и девочек.

В данном случае образ агрессора однозначно не определен и размыт. Под образ врага попадает большое количество субъектов, которые могут быть интерпретированы слушателем по-разному: мужчины; политики; социальные, политические и культурные устои стран и т.д. Из этого мы делаем вывод, что основной целью оратора в данном случае является реализации тактики презентации и самопрезентации (демонстрация желания и готовности бороться за права и свободу женщин), а также кооперации – президент одна из тех женщин, которой также приходится преодолевать трудности:

(...) miles de niñas, que cuando me ven me dicen con sonrisa segura y confiada: “Yo también quiero ser presidenta”. Ellas vivieron algo que alimentará sus sueños, y esos sueños de mujer no se detendrán nunca más. Тысячи девушек, завидев меня, с уверенной улыбкой доверительно признавались мне: «Я тоже хочу стать президентом». Они жили тем, что наполняло их мечты, и эти женские мечты никогда больше не прекратятся.

Pienso que todas las mujeres tenemos un momento de iluminación, en dónde se nos pone en evidencia que somos diferentes, que alguien nos ve con ojos diferentes. (...) Espero que llegue el momento en que las mujeres puedan vivir toda su vida sin darse cuenta de que la ven diferente. Я думаю, что у всех женщин есть момент просветления, когда становится ясно, что мы разные, и что кто-то смотрит на нас другими глазами. (...) Я с нетерпением жду того времени, когда женщины смогут прожить всю свою жизнь, не осознавая, что ее видят по-другому.

3. Жертва – президент; агрессор – мужчины-политики и СМИ

Отметим, что образ женщины также используется оратором в качестве отвода критики или для реализации тактики самооправдания. Политические ошибки президента маскируются предвзятым отношением мира к женщинам-политикам:

Por esto no veo como producto de la casualidad que, alguien haya incluso omitido las páginas más oscuras de nuestra historia, sólo para poner a la primera administración de una mujer, por debajo de todos los hombres que dirigieron el país, desde la conquista. Вот почему я не вижу ничего случайного в том, что кто-то специально пропустил самые мрачные страницы нашей истории, просто чтобы поставить первое президентство женщины ниже всех мужчин, которые руководили страной с момента завоевания.

Quienes condenan al liderazgo femenino por los errores que yo pude haber cometido, subestiman la determinación y fuerza de las mujeres. Те, кто осуждают женщин-руководителей за ошибки, которые я, возможно, совершила, недооценивают решимость и силу женщин.

Помимо мужчин-политиков, критике со стороны Чинчильи подвергается и пресса, президент обвиняет ее представителей в искажении и подтасовке фактов при освещении ситуации в стране:

La obra enfrentó problemas, yo misma los denuncié; pero la cobertura mediática de esos problemas cargada de amarillismo e imprecisión, indujeron a conclusiones equivocadas (...) Se verá que en nuestra gestión las victorias superaron por mucho a las derrotas, pero las segundas resultaron siempre más sonoras que las primeras. Bien sabemos (...) que en las prioridades de los medios de comunicación prevalecen las tragedias, los escándalos y las controversias. В нашей работе мы столкнулись с проблемами, я сама о них говорила; но освещение этих проблем в СМИ, перегруженных сенсационностью и неточностью, привело к неверным выводам (...) Вы увидите, что в период нашей администрации победы намного превышали поражения, но последние всегда были громче первых. Мы отлично знаем, (...) что в приоритетах СМИ преобладают трагедии, скандалы и противоречия.

Sin embargo (...) con frecuencia, algunos medios de comunicación recurrían a la condena anticipada de nuestras iniciativas, a la retórica inflada en sus comentarios, a la falta de balance y ponderación para valorar los hechos, o a los titulares que convertían una buena noticia en algo dudoso o censurable. Однако (...) некоторые СМИ часто прибегали к преждевременному осуждению наших инициатив, к напыщенной риторике в своих комментариях, к несбалансированности и отсутствию взвешенности в оценке фактов или к заголовкам, превращавшим хорошие новости во что-то сомнительное или предсудительное.

Стоит отметить, что исследователь Х. Диас Гонсалес, изучавший образ Лауры Чинчильи, конструируемый прессой Коста-Рики, приходит к выводу, что бывший президент действительно предстает не в самом положительном образе, и как весьма пассивный политик: «Такой образ “отсутствующего президента” может привести население к мысли о том, что Чинчилья Миранда не была готова к осуществлению президентских полномочий, поэтому прибегала к помощи посредников, которые брали на себя ответственность за проблемы, возникавшие в период ее президентства» [Díaz González, 2020].

Наконец, Лаура Чинчилья предстает в своих речах, как женщина-политик, вынужденная принести в жертву самое ценное, что у нее есть – свою семью:

Su nacimiento (José María) en esa fecha, nos privó de celebrar juntos la mayoría de sus cumpleaños; al igual que muchas otras ocasiones importantes. Pese a ello, nunca reclamó mis ausencias, mis congojas o mis tensiones. Al contrario, creció sin aparentar contratiempos, asumiendo en solitario o junto a la excepcional compañía de su padre, sus obligaciones, sin quejas ni reproches. Его рождение (Хосе Мария – сын Л. Чинчильи – Авт.) в этот день помешало нам вместе отпраздновать большую часть его дней рождения; как и многие другие важные события. Несмотря на это, он никогда не жаловался на мое отсутствие, на мою грусть или мои тревоги. Наоборот, он рос без особых трудностей, выполняя в одиночку или вместе с отцом свои обязанности, но без жалоб и упреков.

В данном случае мы можем наблюдать отсутствие образа агрессора, речь идет скорее о самопожертвовании. Самопожертвование может быть спровоцировано агрессором, т.е. когда агрессор прямо или косвенно вынуждает субъекта принести жертву, однако в данном случае – это добровольный выбор политика служить на благо своей Родины. Следовательно, цель оратора не дискредитация чьего-либо образа, а представление своего в выгодном свете. Так, продолжая мысль о принесенной жертве, Чинчилья подчеркивает, что не жалеет о совершенном выборе:

Al cerrar con el ejercicio de mi presidencia, 20 años de servicio en la función pública, me siento honrada y agradecida. Los momentos de tensión, angustia o sacrificio, se vieron siempre retribuidos por las infinitas bendiciones y alegrías que me deparó el haber servido a las y los costarricenses. Завершая свои президентские обязанности и проведя 20 лет работы на государственной службе, я чувствую себя польщенной и благодарной. Моменты напряжения, страдания или жертвы всегда вознаграждались бесконечными благословениями и радостями, которые приносило мне служение костариканцам.

El costo de la incomprensión que he debido pagar por esta obra, no ha disminuído mi convicción sobre la importancia de la misma. Цена непонимания, которую мне пришлось заплатить за эту работу, не уменьшила моей убежденности в ее важности.

Выводы:

1. В своих речах Лаура Чинчилья создает 3 образа жертвы: Коста-Рика, женщины и она сама (президент-жертва). Агрессорами выступают другие страны (в частности Никарагуа), мужчины-политики и СМИ. С помощью данной типологии оратор реализует тактики кооперации, размежевания, (само)презентации, отвода критики, обвинения и обличения.

2. Образ жертвы невозможен без образа врага/агрессора. Он может быть четко определен и назван (например власти Никарагуа); он может быть не назван, но всем понятен (СМИ, оппозиция и т.д.); и он может быть не определен (женщины-жертвы). Однако если речь заходит о самопожертвовании, то в таком случае агрессор действительно может отсутствовать, и на передний план выходит самоотверженность политика и его готовность пожертвовать собой ради страны.

3. Агрессор не всегда четко определен, под его образ могут попадать большое количество субъектов. В таком случае мы можем говорить либо о сознательном желании оратора не конкретизировать образ, а расширить его, либо основной целью становится реализация не дискредитирующей, а других видов стратегий и тактик.

Литература

- Воротникова Т. А. (2015). Коста-Рика после выборов: стабильность и обновление. *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама*. М.: ИЛА РАН, 196–204.
- Козырев Г. И. (2009). Социальное конструирование образа жертвы в социально-политических отношениях и в конфликте. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2, 11–27.
- Козырев Г. И. (2010). *Жертва в социальном конфликте: реальность и виртуальность* [Электронный ресурс]. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева. URL: <http://kozyrev-gi.ru/nauka.php?id=42> (Дата обращения: 08.03.2023).
- Меркулова Е. М. (2012). Средства вербализации Жертвы в российском и американском военных дискурсах. *Политическая лингвистика*, 4, 139–144.
- Полатовская О. С. (2019). Средства представления Агрессора в англоязычном дискурсе. *Современное педагогическое образование*, 9, 136–142.
- Руженцева Н. Б. (2004). *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург, 294.
- Шабанова Т. А. (2012). Образ американской женщины глазами феминисток США. *Политическая лингвистика*, 1, 158–161.
- Cruz G., Pacchiarotti S. (2013). La interpretación de un discurso presidencial de Laura Chinchilla Miranda:

una lectura lingüístico-discursiva. *Revista de Filología y Lingüística de la Universidad de Costa Rica*, 125–142. DOI:10.15517/rfl.v39i2.15080

Díaz González J.A. (2020) ¿Dónde está la presidenta? La construcción de la imagen de Laura Chinchilla en la prensa escrita [Электронный ресурс]. *Revista Humanidades de la Universidad de Costa Rica*, 10(1). URL: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=498060395012> (Дата обращения: 11.03.2023).

Flórez-Estrada M. (2010). La campaña de Laura Chinchilla y las mujeres ¿Oportunismo o compromiso con un nuevo pacto sexual? *Revista de Ciencias Sociales*, 130, 85–89. DOI: 10.15517/rcs.v0i130.4156

López Aristizábal L., Guerrero F. A. (2018). La tridimensionalidad de la víctima: un análisis del discurso en el proceso de transición colombiano. *Análisis político*, 93, Bogotá, 169–188. DOI: 10.15446/anpol.v31n93.75623

Sagot M. (2017). Laura Chinchilla y la promesa incumplida [Электронный ресурс]. *Revista con la A*, 52, 1–3. URL: <https://conlaa.com/laura-chinchilla-la-promesa-incumplida/> (Дата обращения: 11.03.2023).

References

Cruz G. (2013). La interpretación de un discurso presidencial de Laura Chinchilla Miranda: una lectura lingüístico-discursiva. *Revista de Filología y Lingüística de la Universidad de Costa Rica*, 125–142. DOI: 10.15517/rfl.v39i2.15080

Díaz González J. A. (2020). ¿Dónde está la presidenta? La construcción de la imagen de Laura Chinchilla en la prensa escrita. *Revista Humanidades de la Universidad de Costa Rica*, 10(1). Available at: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=498060395012> (Accessed: 11.03.2023).

Flórez-Estrada M. (2010). La campaña de Laura Chinchilla y las mujeres ¿Oportunismo o compromiso con un nuevo pacto sexual? *Revista de Ciencias Sociales*, 130, 85–89. DOI: 10.15517/rcs.v0i130.4156

Kozyrev G. I. (2009). Sotsial'noe konstruirovaniye obraza zhertvy v sotsial'no-politicheskikh otnosheniyakh i v konflikte [Social Construction of the Victim in Socio-Political Relations and in Conflict]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"*, 2, 11–27.

Kozyrev G. I. (2010). Zhertva v sotsial'nom konflikte: real'nost' i virtual'nost'. [Victim in social conflict: reality and virtuality]. M.: RKHTU im. D. I. Mendeleeva. Available at: <http://kozyrev-gi.ru/nauka.php?id=42> (Accessed: 08.03.2023).

López Aristizábal L. (2018). La tridimensionalidad de la víctima: un análisis del discurso en el proceso de transición colombiano. *Análisis político*, 93, Bogotá, 169–188. DOI: 10.15446/anpol.v31n93.75623

Merkulova E. M. (2012). Sredstva verbalizatsii Zhertvy v rossiyskom i amerikanskom voennykh diskursakh [Means of verbalization of victim in the Russian and American discourses, describing war]. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 139–144.

Polatovskaya O. S. (2019). Sredstva predstavleniya Agressora v angloyazychnom diskurse [Means of representing the Aggressor in English discourse]. *Sovremennoye pedagogicheskoe obrazovanie*, 9, 136–142.

Ruzhentseva N. B. (2004). *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 294.

Sagot M. (2017). Laura Chinchilla y la promesa incumplida. *Revista con la A*, 52, 1–3. Available at: <https://conlaa.com/laura-chinchilla-la-promesa-incumplida/> (Accessed: 11.03.2023).

Shabanova T. A. (2012). Obraz amerikanskoy zhenshchiny glazami feministok SShA. [Image of a woman as viewed by the US feminists]. *Politicheskaya lingvistika*, 1, 158–161.

Vorotnikova T. A. (2015). Kosta-Rika posle vyborov: stabil'nost' i obnovlenie [Costa Rica after the elections: stability and renewal]. *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama*. M.: ILA RAN, 162–167.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Дарья Андреевна Кушнерева – соискатель (исследователь, преподаватель-исследователь); Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0003-2546-0807; kushnerova.daria@gmail.com

D. A. Kushnerova

AGGRESSOR AND VICTIM IN WOMEN'S POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE SPEECHES OF LAURA CHINCHILLA MIRANDA)

Abstract. The article is devoted to the study of the features of constructing the image of “victim” and “aggressor” in the political speeches of the former President of the Republic of Costa Rica. The purpose of this study is to analyze the created “typology of victims and aggressors”, to determine the means of verbalization of these images, as well as to determine the manipulative strategies and tactics which are implemented by the speaker. The material was the speeches delivered by Laura Chinchilla during her presidency from 2010 to 2014; 12 speeches were analyzed in total. The relevance of the study is due to the low level of knowledge of such a phenomenon as the “victim-aggressor” dichotomy and its specific manifestations in terms of the speaker’s intentions within the framework of the female political discourse of Latin America. During the analysis it was possible to establish the specifics of the “victimization” process for Chinchilla’s speeches, as well as to identify three images of victims created by a politician (the country, women and the president herself), the contexts and methods that construct these images in political discourse, and a typology of “images of aggressors”. In particular, it was established that the goal of forming these images was the implementation of some tactics: cooperation, demarcation, presentation, self-presentation, rejection of criticism, accusation and denunciation.

Keywords: political discourse, gender discourse, speech manipulation, Spanish, image of the victim, image of the aggressor, Laura Chinchilla

For citation: Kushnerova D. A. (2023). Aggressor and Victim in women's political discourse (on the example of the speeches of Laura Chinchilla Miranda). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504